

Андреас Умланд, Антон Шеховцов

Украинские правые радикалы, евроинтеграция и неонацистская угроза: сравнительные наблюдения о сегодняшнем украинском политическом ультраправизме¹

В прошлом году Украина начала свое третье постсоветское антиавторитарное восстание — Евромайдан, который последовал за кампанией 2000-2001 «Украина без Кучмы!» и Оранжевой революцией в 2004 г. Во многих отношениях Евромайдан продолжил и завершил две первые продемократические массовые акции гражданского неповиновения. В ноябре 2013 г. несколько тысяч киевских интеллектуалов и студентов со всей Украины собрались в центре Киева в знак протеста против решения администрации Виктора Януковича отказаться от предстоящего заключения обширного Соглашения об ассоциации с ЕС. Изначально относительно небольшой пикет позднее превратился в массовое движение, к которому подключились миллионы украинцев по всей стране. Когда правительство попыталось силой распустить протест, переворот перерос в насильственное восстание, в ходе которого погибли десятки людей, а тысячи получили отчасти тяжелые ранения. В течение последующих трех месяцев демонстрации и столкновения на киевском Майдане Незалежности (Площади Независимости) и в других городах Украины превратились в полномасштабную социально-политическую революцию.

Политическая поляризация и ультраправые

Одновременно с тем, как протесты Евромайдана становились все более ожесточенными, в них начали все сильнее выделяться два ультраправых движения. Более известным из них является парламентская партия Всеукраинское объединение «Свобода», которое сотрудничает с некоторыми еще более радикальными маргинальными внепарламентскими группами, такими как С14 и Украинская повстанческая армия (УПА) — явная ссылка на историческую УПА 1940-1950-х гг. Во время Евромайдана «Свобода» и ее партнеры в большинстве базировались в оккупированном здании Киевской городской государственной администрации. Хотя «Свобода» является ультраправонационалистической партией и позиционирует себя как особенно непримиримая сила, партия как организация редко принимала участие в силовых столкновениях со спецподразделениями украинской милиции. Зато лидер «Свободы» Олег Тягнибок, кото-

¹ Ранее опубликовано на сайте «Polit.ru» (21 мая 2014).

рый уже был участником как «Революции на граните» 1990 г., так и «Оранжевой революции» 2004 г., стал одним из самых частых и эффективных ораторов Майдана 2013-2014 гг.

Второе ультраправое движение, заметно представленное на Евромайдане – малоизученная организация, которая называет себя «Правым Сектором». Несмотря на то, что в конце января 2014 г. группировка насчитывала – как сообщил нам один из ее лидеров – лишь около 300 членов, уже тогда начинал возникать миф о том, что «Правый Сектор» был ядром насильственного сопротивления внутри всего антиправительственного движения. Во время протестов этой изначально крайне незначительной внепарламентской структуре было позволено разместить свою штаб-квартиру на пятом этаже здания профсоюзов на киевском Майдане Незалежности.

На момент своего основания в конце ноября 2013 г. «Правый Сектор» представлял собой всего лишь альянс нескольких внепарламентских мини-организаций. Эти частично ультра-консервативные, частично неонацистские экстремистские группы объединились в первые дни протестов на Евромайдане, чтобы силовыми методами бороться с режимом Януковича. В марте 2014 г. эта коалиция стала политической партией путем переименования одного из своих членов – уже ранее зарегистрированной Украинской национальной ассамблеи (УНА) – в «Правый Сектор». В качестве партии «Правый сектор» стремится к парламентской политике, однако в настоящее время он не имеет достаточной поддержки для преодоления 5%-го электорального барьера для прохождения в парламент.

В то время как «Свобода» уже на протяжении последних двух лет является явным сторонником европейской интеграции Украины, различные группировки в составе «Правого Сектора» рассматривают ЕС по-разному, в большинстве своем – скептически или даже враждебно. Тем не менее, несмотря на свои идеологические разногласия, все различные группы, фракции и подгруппы, ассоциирующиеся со «Свободой» и «Правым Сектором», были более или менее активны в насильственных и ненасильственных акциях Евромайдана в 2013-2014 гг. Им даже удалось в значительной степени сформировать международный имидж проевропейских акций, несмотря на то, что совокупный президентский рейтинг лидеров «Свободы» и «Правого Сектора» - Олега Тягнибока и Дмитрия Яроша соответственно – составляет менее 4%.

Члены «Правого Сектора» и другие ультра-националистические активисты составили лишь малую часть от общих сил Самообороны Евромайдана – десятки самых разных «сотен», которые совместно оказывали насильственное сопротивление все более жестоким попыткам Януковича разогнать протестующих. Тем не менее, именно правые радикалы в первую очередь были показаны и сейчас активно обсуждаются в массовой международной информационной кампании Кремля против нового правительства Киева. Чиновники России, ее ведущие дипломаты, псевдо-журналисты и западные лоббисты широко используют гиперболы, полуправдивые сообщения, утки и паникерские сообщения в отношении радикальных правых Украины для того, чтобы дискредитировать проевропейскую революцию в Украине как, по крайней мере, частично «фашистскую».

Причастность двух ультраправых движений к демократическим, проевропейским акциям протеста в Украине действительно является неким парадоксом. Во-первых, их поддержка противоречит политическому мировоззрению ультранационалистов в том смысле, что ценности, цели и принципы ЕС являются, по сути, антинационалистическими. Во-вторых, двойственная или даже положительная позиция украинских ультранационалистов по отношению к ЕС и НАТО заметно отличает их от типичного поведения аналогичных партий в ЕС, не говоря уже о России. Большинство европейских ультраправых, как правило, занимает выражено антиамериканскую, а также более или менее антиевросоюзную позицию. За последнее десятилетие только одна из крупных европейских ультраправых партий была относительно положительно настроена в отношении ЕС: греческий Народный православный призыв, который был представлен в греческом парламенте в 2007-2012 гг., хотя и подвергал резкой критике ряд основополагающих принципов ЕС, но, тем не менее, открыто поддерживал членство Греции в ЕС.

Антиимперский импульс украинского национализма

Наиболее очевидным объяснением активного участия украинских крайне правых в Евромайдане является его первоочередная цель, а именно выход Украины из сферы влияния Москвы — главное требование всех украинских националистов, будь то умеренных или радикальных. Подписание Соглашения об ассоциации с ЕС большинством украинских лидеров, но также и многими политиками в Брюсселе, Вашингтоне и Москве, понимается как часть «игры с нулевой суммой» между Западом и Россией: чем больше Украина интегрируется в Евросоюз, тем меньше она будет частью неоиimperского ареала Кремля. Именно по этой причине значительная часть украинских ультраправых – видимо, в той или иной мере, вынуждено – поддерживает подписание Украиной Соглашения об ассоциации с ЕС. Сближение Киева с Брюсселем предполагает недвусмысленный шаг в сторону разрыва с Москвой и выхода Украины из сферы влияния Кремля. Евроинтеграция, таким образом, является важным инструментом для перехода к независимому развитию украинской нации — в каком бы ни было направлении.

Антиимперская, национально-освободительная направленность украинских крайне правых групп приближает их к большинству других украинских партий, которые намного более однозначно проевропейски ориентированы, нежели «Свобода» и «Правый Сектор». Правда, социальный консерватизм, культурный расизм, гетеросексизм, популистский этно-центризм, скрытый антисемитизм и т.д. – иными словами ценности, свойственные доктринам других европейских праворадикальных партий – являются отличительной чертой украинских ультранационалистов в контексте партийного ландшафта Украины. Тем не менее, национально-освободительная цель крайне правых Украины стала общественно значимой и политически весомой причиной их присоединения к протестам Евромайдана. Поддержка евроинтеграции стала в первую

очередь характерной для официальной риторики партии «Свобода» Тягнибока. В меньшей степени она свойственна некоторым группировкам внутри «Правого Сектора», таким как «Тризуб им. С. Бандеры» и УНА.

Антиимперский уклон национал-экстремистов был менее заметен в идеологических нарративах некоторых миниатюрных неофашистских группировок, таких как военизированное крыло «Свободы» С14 или бывших или ныне действующих организационных элементов «Правого Сектора» – «Патриот Украины» / Социал-национальная ассамблея и «Белый Молот». Эти и другие открыто неонацистские элементы украинских ультраправых, включая последние группы, как правило, занимают четко анти-евросоюзную позицию. Они составляют, однако, лишь относительно маргинальные части в составе более крупных политических движений, в которые они входят, т.е. в «Свободе» и «Правом Секторе». Названные неонацистские мини-группы в значительной степени неизвестны украинской общественности, не говоря уже о наблюдателях за пределами Украины.

Относительная слабость украинского радикального расизма

Периферийным характером неонацизма в украинском ультраправом движении можно частично объяснить и низкую степень ксенофобского насилия в Украине. Это утверждение противоречит популярной за пределами Украины точке зрения, особенно среди европейских публицистов левого крыла и политиков, об Украине как о рассаднике воинствующего ультранационализма. Такое ложное предубеждение привело, среди прочего, к странной истерике в средствах массовой информации Западной Европы в преддверии чемпионата Европы по футболу 2012 г., проводившегося в Украине и Польше. Особенно в британской «желтой прессе», но также и в некоторых немецких левых изданиях публиковались предвзятые статьи и репортажи о вероятном неонацистском насилии над небелыми футбольными болельщиками, желавшими посетить футбольные матчи в Харькове, Донецке, Львове и Киеве. Однако ни одного значительного расистского инцидента в течение всего чемпионата в Украине не произошло. Практически все насильственные акции подобного рода во время Евро-2012 произошли в Польше.

Какие-либо жертвы насилия со стороны правых радикалов в период насильственного гражданского противостояния в Киеве в январе-феврале и «гибридной войны» между украинским правительством и поддерживаемыми Россией сепаратистами на юго-востоке Украины в марте-мае 2014 г., с нашей точки зрения, трудно сравнить с пострадавшим от ксенофобского насилия в «мирные» времена. Большинство жертв расистского насилия, отмеченные в сравнительных исследованиях ксенофобии, (а) является вообще не или только легко вооруженными и (б) погибает не в условиях стычек с применением огнестрельного оружия. Скорее, они умирают в результате целенаправленных нападения или спонтанных драк на почве расизма и в контексте «обычной» ежедневной жизни – не редко – без всякого применения огнестрельного

оружия с какой-либо стороны. Хотя мы не исключаем жертв применения оружия против людей правыми радикалами во время полувоенных конфликтов в Украине 2014 г.; такие убийства, совершенные в условиях более глобальных вооруженных противостояний, имеют другой статус, чем расистские преступления, совершенные в стабильных обществах.

По статистике преступлений на почве ненависти, предоставленной отделом по мониторингу ксенофобии Евро-Азиатского еврейского конгресса, в 2012-2013 гг. около 40 человек пострадали от расистских нападений в Украине. Последний случай, когда человек был убит в Украине на почве этнической ненависти в «мирных» условиях, произошел в 2010 г. Для сравнения, по данным лондонского Института расовых отношений, в Великобритании – стране, население которой всего на одну четверть больше, чем украинское (63 и 46 млн. соответственно) – в среднем в результате расистских нападений погибают четыре человека в год. В других странах Западной и Восточной Европы также существует статистика преступлений на почве ненависти, приближающаяся скорее к британским, чем к украинским цифрам «мирного» времени. На сегодняшний день самое большое количество насильственных преступлений на почве ненависти в Европе, как в абсолютных, так и в относительных величинах, совершается ежегодно неонацистскими скинхедами и расистами в России. В последней оценке не учитываются возможные убийства, совершенные российскими правыми радикалами в контексте их участия в квази-военных столкновениях на Северном Кавказе или Восточной и Южной Украине.

Взлет партийно-политического ультранационализма в Украине

В течение первых 20 лет независимости Украины ультраправые этно-центристы характеризовались удивительной электоральной и парламентской незначительностью. Только в 2012 г., когда «Свобода» получила 10,44% голосов поддержки избирателей в пропорциональной части парламентских выборов, правый радикализм стал фактором в украинской политике – и то только относительно значимым. Поскольку «Свобода» была менее успешной на одновременных выборах в одномандатных округах, партия Тягнибока вошла в Верховную Раду Украины лишь с 37 депутатами из общих 450 депутатов парламента.

Длительная партийно-политическая импотенция украинских ультра-националистов была парадоксальной в двух отношениях. Во-первых, она была удивительной в контексте значительных успехов на выборах крайне правых партий как центрально- и южно-восточно-европейских соседей Украины (например, Словакии, Румынии, Венгрии, Сербии), так и России или Западной Европы. Во-вторых, она была неожиданной на фоне великих постсоветских потрясений, которые в середине 1990-х привели в Украине к одному из самых глубоких социально-экономических закатов в истории какой-либо страны Европы. Ни мега-кризис 1990-х, ни резкий упадок украинской про-

мышленности вследствие мирового финансового кризиса 2008-2009 гг. не сделали правых экстремистов привлекательными для украинских избирателей.

Какие тогда обстоятельства привели к неожиданному результату «Свободы» в более чем 10% голосов на выборах 2012 г.? По результатам наших исследований, вступление «Свободы» в украинский парламент лишь отчасти свидетельствует о повороте украинского общества к ультраправым доктринам. Скорее причиной удивительного успеха «Свободы» на выборах была, в определенном смысле, неидеологическая, протестная реакция многих украинцев на явно непатриотичную, антиукраинскую и пророссийскую политику бывшего президента Виктора Януковича, его Партии регионов и ее младшего партнера по коалиции — ностальгирующей по советским временам Коммунистической партии Украины. Этот выбор был на тот момент также ответом на вопиющую нехватку дисциплины в двух главных демократических фракциях Верховной Рады. В 2010-2012 гг. целый ряд депутатов, избранных в 2007 г. по спискам альянса Виктора Ющенко «Наша Украина – Народная самооборона» и партии «Батькивщина» Юлии Тимошенко, оказались «тушками», т.е. перебежали в про-правительственную коалицию Партии регионов и КПУ.

На этом специфическом фоне, по нашим оценкам, до 50% избирателей «Свободы» в 2012 г., вероятно, проголосовали за эту партию по той причине, что увидели в ней наиболее радикальную и дисциплинированную оппозицию режиму Януковича, а не вследствие поддержки этно-центристской и гомофобской программы «свободовцев». Скорее заметный риторический радикализм «Свободы» и имидж относительно последовательной политической силы, а отнюдь не праворадикальная позиция партии, привлекли многих национально сознательных и демократически настроенных, в том числе даже анти-националистических украинских избирателей. Ультранационализм «Свободы» был, по-видимому, интерпретирован этими избирателями в национально-освободительных, а не расистских или ксенофобских категориях. В любом случае, по крайней мере, в отношении партийной дисциплины «Свобода» не предала свой не-националистический электорат: ни один из депутатов парламента от «Свободы» не перешел на какую-либо другую сторону – как это сделал целый ряд других депутатов в парламенте Украины за последние годы.

Насколько сильным будет украинский партийный ультранационализм?

Вышеприведенными причинами взлета «Свобода» и Правого Сектора в 2012-2014 г. также может быть объяснен и сложный вызов для их развития в будущем. Период высокой поляризации украинской внутренней политики предыдущих лет завершился: Евромайдан одержал победу, а Янукович и некоторые из его ближайших соратников покинули страну. Тем самым, для многих избирателей их бывшие причины поддержки дисциплинированных экстремистов «Свободы» могут потерять свою актуальность. Для умеренной части ее бывшего электората идеология «Свободы» скорее проблема-

тична, чем привлекательна. Тем самым, они теперь могут решить проголосовать за другую партию с менее одиозными взглядами.

Для радикально настроенных избирателей же может обнаружиться другая проблема, а именно определенное несоответствие между непримиримой предвыборной риторикой «Свободы» и ее фактической деятельностью впоследствии. Как в парламенте с 2012 г., так и на улицах во времена Евромайдана «Свобода» на практике оказалась относительно мягким политическим игроком, что представляло некоторый контраст с ее саморепрезентацией. Конечно, ее депутаты инициировали ряд скандалов и приняли участие в нескольких драках в Верховной Раде. Кроме того, ряд «свободовцев» погиб или был ранен во время стычек со спецподразделениями в Киеве до отстранения Януковича. Однако «Свобода» как организация была не в состоянии или же не желала выступать в качестве последовательной радикальной силы, как она когда-то обещала. Видимо, по этим и некоторым другим причинам можно было наблюдать за постепенной потерей электоральной поддержки «Свободы», выявленной в социологических исследованиях последних двух лет.

По результатам опроса общественного мнения, проведенного Киевским международным институтом социологии в середине марта 2014 г., 2,5% потенциальных избирателей поддержали бы Тягнибока, и 0,9% проголосовали бы за лидера Правого Сектора Яроша на досрочных президентских выборах. Согласно другому недавнему опросу, «Свободу» как политическую партию на досрочных парламентских выборах поддержали бы 5,2% избирателей, тем самым обеспечивая вхождение партии в парламент. Но эта цифра составляет лишь около половины от избирательной поддержки, которую партия получила на выборах в Верховную Раду в 2012 г. Ее сегодняшний электорат, как представляется, состоит в основном из «ядерных» избирателей – с одной стороны, этноцентристских ультранационалистов со всей Украины и, с другой стороны, умеренно националистически настроенных жителей Галиции, где «Свобода» многими воспринимается как мейнстримная партия.

Существует еще один явный новый вызов и фактор риска для крайне правых Украины: на следующих парламентских выборах «Свобода» будет вынуждена конкурировать за ультранационалистический электорат с уже широко известным новым игроком на своем поле, т.е. с «Правым Сектором». Очевидно, что ряд бывших или потенциальных избирателей «Свободы» уйдет к «Правому Сектору». Предположительно, это ослабит крайне правых в парламенте в том случае, если Правый Сектор не перешагнет 5%-ный барьер.

Более того, если нынешний электоральный барьер по пропорциональному принципу останется неизменным, правые радикалы Украины, в целом, могут пострадать от ситуации, которая уже возникала и в других европейских странах в прошлом. Допустим, радикалы имеют потенциал в целом получить 8% голосов на парламентских выборах и на этой базе вместе с возможными одномандатниками сформировать значимую фракцию. Тем не менее, может сложиться ситуация, при которой ни одна радикальная партия не войдет в Верховную Раду, если голоса разделятся неудачно между,

скажем, двумя партиями: одна получит, например, 4,5%, а другая – 3,5%. Тем самым, ни та, ни другая не окажется в парламенте.

Пока Партия регионов остается такой же фрагментированной и дезориентированной, как в настоящее время, «Свобода» лишена бывшего основного источника своей негативной мобилизации. Для компенсации этой потери руководству «Свободы» придется найти другие источники привлечения не-экстремистских избирателей, к примеру, делая заметный вклад в защиту Украины против продолжающейся российской агрессии в Южной и Восточной Украине. Если «Свобода» не сможет найти подобные или альтернативные причины, которые послужат доводом украинским умеренным избирателям голосовать за «Свободу», а «Правому Сектору» удастся переманить некоторых избирателей Тягнибока, украинские крайние правые могут быть вынуждены вернуться к внепарламентским окраинам украинской политической жизни.